

«АДМИРАЛ СТАНОВИТСЯ ДЛЯ НАС ОПАСНЫМ ПОДОПЕЧНЫМ». ОЦЕНКА ФРАНЦУЗСКИМ ГЕНЕРАЛОМ М. ЖАНОМ СИТУАЦИИ НА БЕЛОМ ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В ДЕКАБРЕ 1918 г.

Публикация рассказывает о начале деятельности в Сибири французского генерала М. Жанена, прибывшего в ноябре 1918 г. на Дальний Восток как представителя командования Антанты и будущего главнокомандующего всеми войсками антибольшевистского Восточного фронта. Анализируется ситуация, в которой оказался глава Французской военной миссии в Сибири в ноябре—декабре 1918 г., его видение конфликта между Верховным правителем адмиралом А. В. Колчаком и атаманом Г. М. Семеновым, роли Чехословацкого корпуса в событиях 1918 г., позиции японских экспедиционных сил. Наиболее важная часть работы — впервые публикуемый рапорт Жанена Военному министру Франции. В нем подробно описан конфликт между А. В. Колчаком и Г. М. Семеновым, дана оценка самого Колчака. Публикация адресована исследователям военно-политической сферы и международных отношений в период Гражданской войны в России.

Ключевые слова: Гражданская война в России (1917–1922 гг.), Белое движение, интервенция, Антанта, генерал М. Жанен, адмирал А. В. Колчак, атаман Г. М. Семенов.

Дивизионный генерал М. Жанен прибыл на Дальний Восток в середине ноября 1918 г. Бывший глава Французской военной миссии при Ставке верховного главнокомандующего в Могилеве в Первую мировую войну (май 1916 — октябрь 1917 г.) был вновь отправлен в Россию для руководства новой военной миссией при Временном Всероссийском правительстве (Директории). При отправке в Сибирь Жанен имел весьма широкие полномочия: и как глава Французской военной миссии, и как главнокомандующий всеми войсками антибольшевистского Восточного фронта. «Инструкции, данные мне французским военным министерством, определяли мои обязанности в качестве начальника миссии, — писал Жанен в мемуарах — определяли взаимоотношения с японским командованием, поставленным во главе союзнических интервенционных сил, определяли роль генерала [М. Р.] Штефаника (с октября 1918 г. — министра обороны Чехословакии. — Р. Г.) и т. д. Кроме того, они предписывали чешским войскам активное сотрудничество с союзническими интервенционными войсками...» [1, р. 9]. Позднее были уточнены и права Жанена как главнокома. 24 ноября 1918 г. он получил депешу от союзного командования, которая уточняла его полномочия: «Генерал Жанен осуществляет командование всеми войсками в Восточной России и в Сибири западнее Байкала, как союзническими, так и русскими и всеми прочими» [1, р. 19–20].

За время его долгого пути из Франции на российский Дальний Восток (с 30 августа по 16 ноября 1918 г.) произошедшие в мире перемены полностью изменили не только ситуацию в Европе, но и отношение мировых держав к событиям в России. Заключенное 11 ноября 1918 г. Компьенское перемирие значительно снизило интерес входивших в Антанту стран к внутрироссийскому конфликту. В итоге это сказалось и на статусе самого Жанена: внимание к его работе после окончания Первой мировой войны стало постепенно уменьшаться. Сам генерал считал: «Ситуация в целом показалась мне мало поддающейся указаниям, приходящим из Парижа...» [1, р. 15].

За время пути Жанена в Россию в Омске произошла смена власти, кардинально изменившая обстановку во власти. На смену Директории пришел Верховный правитель адмирал А. В. Колчак, оказавшийся на вершине власти в результате переворота 18 ноября 1918 г. Жанену, прибывшему во Владивосток накануне этих событий — 16 ноября, — пришлось столкнуться с новыми политическими реалиями и выработать позицию по отношению к ним.

Телеграммы и рапорты главы Французской миссии в Сибири показывают, что его отношение к перевороту изначально было, по меньшей мере, настороженным, а затем — отрицательным. 25 ноября, через неделю после событий в Омске, в теле-

грамме № 184 Жанен сообщал военному министру из Владивостока: «Назначение адмирала Колчака произвело большие волнения в рядах местных социалистов-революционеров. Многие решили во что бы то ни стало отстаивать левые позиции, а то и напрямую объединяться с большевиками» [2, 26 novembre 1918]. Тревога Жанена за дальнейшее развитие событий во многом связывалась с позицией командования Чешско-Словацкого корпуса. Его представители негативно относились к свержению демократической власти. Будучи главнокомандующим чешско-словацкими войсками в России, Жанен, и ранее демонстрировавший симпатии к чехам и оказывавший им поддержку, не мог не испытывать влияния с их стороны. 29 ноября, он докладывал Военному министру: «Когда адмирал Колчак взял власть, мне с немалым трудом удалось избежать беспорядков у чехов, которые могли повлечь за собой новый переворот. Политические волнения будут иметь самые пагубные последствия» [3, 29 novembre 1918].

Позицию по отношению к Колчаку Жанен, очевидно, выработал в ходе своего длинного пути из Владивостока в Омск (29 ноября — 13 декабря 1918 г.). До Сибири Жанен и Колчак, вероятно, встречались лишь раз — 4/17 июля 1916 г. в Ставке. «Я нашел, что адмирал очень изменился с тех времен, когда адмирал [А. И.] Русин, начальник Морского Генерального штаба, приехал с ним в Могилев, чтобы представить царю в качестве командующего Черноморского флота», — писал позднее Жанен [1, р. 43].

По дороге в Омск Жанен услышал немало разных отзывов о Колчаке, многие из которых были критическими. Сразу по приезду в Омск он отправил 13 декабря в Париж военному министру Франции Ж. Клемансо (занимавшему в это же время и пост премьер-министра правительства) рапорт «Диктатура Колчака и ситуация на Дальнем Востоке» [4, 13 décembre 1918]. В нем содержалась негативная оценка Колчака со стороны неустановленного русского офицера. Основанный во многом на слухах и предположениях, документ не только повлиял на формирование мнения самого Жанена о Колчаке, но и был представлен руководству Франции как некий анализ ситуации в России. Еще до встречи с Верховным правителем в Омске Жанен имел возможность оценить его личные качества во время конфликта с Г. М. Семеновым, а затем и в ходе первого, пока еще заочного общения с Колчаком по телеграфу.

Основанием для конфликта Колчака с Семеновым стал отказ атамана признать власть Колчака в ноябре 1918 г.

К этому времени их взаимоотношения уже имели определенную предысторию. Еще 10 мая 1918 г., после встречи с русским посланником в Пекине князем Н. А. Кудашевым и управляющим КВЖД генерал-лейтенантом Д. Л. Хорватом, прибывший к тому времени в Китай Колчак был введен в состав правления КВЖД и назначен главным инспектором охранной стражи. Также ему было вверено командование всеми русскими войсками в полосе отчуждения КВЖД. Колчак безуспешно попытался консолидировать под своим началом антибольшевистские силы в Маньчжурии. Значимой проблемой стал фактический отказ взаимодействовать с ним атамана Семенова, располагавшего наиболее сильным Особым Маньчжурским отрядом.

В мае 1918 г. пользовавшийся поддержкой японцев Семенов предпочел сохранить свое, по сути, независимое положение. Политика японских экспедиционных сил, преследовавших свои интересы на Дальнем Востоке, стала наиболее значимой причиной неудачи Колчака в попытке организации антибольшевистских сил на КВЖД. Не достигнув цели, Колчак 30 июня 1918 г. отправился в Японию, передав находившиеся под его командованием силы в распоряжение генерал-майора Б. Р. Хрещатицкого. Несмотря на отсутствие открытого конфликта между Колчаком и Семеновым весной 1918 г., этот эпизод прямо повлиял на взаимоотношения адмирала и атамана.

Прибывший 5 декабря 1918 г. в Читу Жанен был втянут в самый центр конфликта, подробно переговорив и с атаманом Семеновым и с представителями японского командования, а затем и с самим Колчаком по телеграфу. Рапорты и телеграммы Жанена в Париж за декабрь 1918 — начало 1919 г. свидетельствуют, что свое отношение к Колчаку и позицию к его деятельности, как главы власти в Сибири, он выработал именно по дороге в Омск. Если попытаться кратко сформулировать это мнение, оно звучало бы так: «Колчак благородный человек, настоящий патриот, при этом полностью не пригодный к управлению страной; его неспособность идти на компромисс делает его плохим политиком и не лучшей фигурой для возглавления антибольшевистской борьбы».

Уже первые встречи Жанена с Колчаком не только утвердили его в ранее сделанных выводах, но и усугубили их. Отношения между двумя военачальниками с самого начала не сложились, будучи на протяжении всего 1919 г. натянутыми. Большую роль в этом сыграл вопрос распределения полномочий между Жаненом, который по мысли командования Антанты изначально должен был руководить всеми антибольшевистскими силами в Сибири, и Колчаком — Верховным правителем России и Верховным главнокомандующим Русской армией.

15 декабря 1918 г. Жанен, прибывший два дня назад в Омск, отправил отчет в Париж: Военному министру Франции, а также во 2-е бюро Генштаба [5, 15 décembre 1918]. Документ подробно освещал конфликт между адмиралом Колчаком и атаманом Семеновым в ноябре 1918 г., обозначая точку зрения на роль японских экспедиционных сил и дальнейшее возможное развитие событий. Рапорт Жанена показывает как степень его осведомленности о происходивших в ноябре — декабре 1918 г. событиях — здесь, как и в иных его отчетах, многое основано на слухах, — так и личное отношение к деятелям российской контрреволюции: Колчаку, Семенову, Хорвату и др.

Перевод источника выполнен М. Ю. Кожевниковой. Оригинал отчета (машинопись на французском языке, на девяти листах, подписана Жаненом и заверена печатью Французской военной миссии в Сибири) хранится в Архиве Министерства обороны Франции.

Отправленное в два адреса письмо 2-е бюро французского Генштаба получило лишь 27 февраля 1919 г. — через два с половиной месяца после отправки из Омска (зарегистрирован под № 8337). За это время ситуация в Сибири кардинально изменилась, о чем и Военное министерство, и 2-е бюро могли узнать из зашифрованных телеграмм, почти ежедневно отправляемых миссией в Париж.

Французская военная миссия в Сибири
№ 42
Омск
15 декабря 1918 г.

Генерал Жанен, глава французской военной миссии в Сибири
Господину Военному министру
Генеральный штаб армии — 2-му бюро
Париж

Рапорт № 3

Имею честь адресовать вам нижеследующий отчет, дополняющий мои телеграммы №№ 160—165, относительно конфликта между Колчаком и Семеновым.

Как я вам уже телеграфировал, в ночь на 19 ноября вице-адмирал Колчак захватил власть и объявил себя диктатором в Омске¹.

Последствия государственного переворота были следующие:

1) Политические: в связи с арестом основных министров эсеров. За это время они покинули территорию Сибири и России под двойным конвоем — русских и англичан².

2) Военные:

А) Отказ генерала [В. Г.] Болдырева, главнокомандующего фронтом, признать адмирала. Генерал Болдырев вместе с основными офицерами своего штаба уехал из Омска во Владивосток³, чтобы просить — предположительно — поддержки у союзников и объяснить им те опасности, какие повлечет за собой назначение Колчака. Французский консул сказал мне, что, проезжая через Иркутск, генерал просил чехов доставить его на Урал в форме чешского солдата⁴.

Б) Беспорядки на фронте⁵, о которых я сообщал вам телеграммами, упомянутыми выше. Главной опасностью стало желание чешской армии покинуть фронт, мы с немалым трудом преодолели это желание. Я сообщал вам, какие я предпринял усилия в отношении генерала Сырового по этому вопросу.

В) Задержка отправления русского подкрепления на фронт⁶. В результате чего последовали жалобы чехов на то, что силы подкрепления были направлены против Семенова или использованы для подавления внутренних беспорядков.

3) Правительственные, которые обнаружили себя позицией несогласия, какую занял атаман Семенов.

Относительно двух первых пунктов я не имею никаких дополнительных сведений, кроме тех, какие уже сообщил вам, поэтому ограничусь изложением сведений по третьему пункту, который касается соперничества интересов на Дальнем Востоке и вопросов, в которые я оказался замешан во время своей поездки.

Последствия на Дальнем Востоке

Ни для кого не секрет, что японцы относились к адмиралу Колчаку с большим недоверием. Во время моего визита в Японию, я слышал, как он заявил им с немалой резкостью, возможно, после попытки договориться или объясниться, что он отчетливо видит в их политике стремление, которое объясняется желанием [...] (пропуск строки в документе. — Р. Г.) в русской Сибири с тем, чтобы прекратить опасное для них соперничество и не дать им возможности ловить рыбу в мутной воде⁷.

Точно так же известно о связях адмирала Колчака с англичанами⁸, генерал [А.] Нокс поддерживал

с ним отношения и наладил его отношения с генералом [Р.] Гайдой.

Что касается русских военачальников на Дальнем Востоке, то один из них — атаман Семенов — относился к адмиралу Колчаку откровенно враждебно, то ли по личным мотивам, то ли по причине честолюбивых притязаний, для них приход к власти Колчака стал препятствием.

Генерал [Д. Г.] Хорват достаточно хорошо известен, чтобы понимать, что он всегда будет на той стороне, где находится сила или деньги.

И, наконец, [И. П.] Калмыков — судя по всему, он разделяет позицию Семенова и в качестве причины, по какой не стал спешить присоединиться к Колчаку, назвал следующую: он уже видел столько сменяющих друг друга правительств, что не торопится его признавать, потому что хочет убедиться в его достоинствах и прочности власти.

Во Владивостоке в предчувствии серьезных событий в Омске генерал [М.] Накасима⁹ настоятельно просил нас телеграфировать в Токио и добиться отправки в Омск дивизии, вполне возможно, по причине этих предчувствий. В момент самих событий генерала Накасимы не было во Владивостоке, он уехал на Амур.

Когда известие о государственном перевороте пришло во Владивосток, генерал Хорват без всяких затруднений признал новое правительство¹⁰ и объявил, что посоветовал Семенову сделать то же самое¹¹.

Что касается генерала [К.] Отани¹², всегда любезного и улыбчивого, который, вполне возможно, всего лишь фасад, прикрывающий настоящих проводников японской политики, то он повторил мне во время моего визита, о котором я вам уже докладывал, что он неукоснительно выполнит свой долг главнокомандующего союзническими силами, и обеспечит в том числе и беспрепятственное сообщение с запада на восток, равно как и доставку провианта, боеприпасов и войск на фронт.

Об отношении Семенова к Колчаку знали все и предвидели позицию, которую он займет, она никого не удивила. Атаман отправил адмиралу телеграмму, известив его, что, если на протяжении 24 часов он не передаст власть Хорвату, или Деникину, или Дутову, то он будет считать его узурпатором, а себя совершенно независимым и свободным в действиях. Он знал заранее, что Хорват откажется от власти, а связаться с Деникиным или Дутовым за это время не представится возможности, поэтому его телеграмма была в чистом виде манифестом независимости.

Такова была ситуация на момент моего отъезда из Владивостока 29 ноября. 1 и 2 декабря, когда я в Харбине виделся с генералом Хорватом, ничего нового не произошло или, во всяком случае, ничего нового не было известно. Сообщения, приходящие телеграфом через Читку, были очень переменчивы. Японские военные власти, с которыми я встречался по дороге, повторяли уже полученные мной обещания, что они гарантируют свободное перемещение по Транссибирской железной дороге. Перед приездом в Читку я получил копии шифрованных циркулярных телеграмм, отправленных Колчаком, но, естественно, не мог их расшифровать.

Только по приезде в Маньчжурию 4-го [ноября] я получил следующие известия, которые генерал Хорват сообщил мне телеграммой. Адмирал Колчак освободил Семенова от его обязанностей за неповиновение и отправил против него вооруженные

силы. В ответ атаман Семенов перекрыл телеграфную связь в Чите. Телеграмма заканчивалась следующей фразой: «Я сообщаю вам эти сведения, чтобы вы могли принять надлежащие меры».

Затем мне пришла телеграмма от генерала Нокса, после изложения событий, следовала нижеследующая фраза: «Хотя я считал бы арест Семенова вполне оправданным, боюсь, что силы, отправленные правительством, окажутся недостаточными для того, чтобы это сделать, и этот неуспех будет роковым для правительства Колчака. Мне бы очень хотелось, чтобы вы убедили Семенова подчиниться авторитету Колчака, и верю, что он отзовется на ваши просьбы, если вы ему изложите цели союзников и укажете на последствия его непокорного поведения».

Наконец, из Владивостока через базу ко мне пришла телеграмма Колчака, зашифрованная по русскому словарю шифров: «Адмирал Колчак генералам Хорвату, Жанену, Ноксу и Романовскому. Атаман Семенов категорически отказывается повиноваться и исполнять приказы вышестоящего командования. Он препятствует продвижению по железной дороге и связи, ставя своими действиями в критическое положение фронт. Я отдал приказ, освобождающий его от обязанностей. Я отдаю 4-й и 5-й полки армейского корпуса (Иркутск и Чита) под командование генерала [В. И.] Волкова, который получает права командующего армией и генерал-губернатора. Его местонахождением будет Иркутск, и он будет подчиняться непосредственно мне. Я приказываю генералу Волкову привести к повиновению атамана Семенова и его сторонников. С этой целью я приказываю генералу Хорвату отправить против Семенова все находящиеся в его распоряжении войска, чтобы помочь генералу Волкову в выполнении его миссии. Полковник Семенов и его сторонники должны быть арестованы и переданы генералу Волкову. Адмирал Колчак».

На следующий день 5 декабря в 21 час я прибыл в Читу. Поезд еще не остановился, как атаман Семенов вскочил на подножку, чтобы быть мне представленным и изложить свою точку зрения. Он сказал, что собирался признать Колчака до того момента, пока тот не свяжется с генералом Деникиным и не наладит с ним связь, и хотел уже отправить адмиралу об этом телеграмму, но тут адмирал приказом № 60 к тому же публично лишил его командования и объявил «предателем Родины». Несмотря на это, сказал мне Семенов, он не изменил своих первоначальных намерений, утверждал, что готов их подтвердить на деле, но просил помочь ему сделать это достойным образом, то есть просил, чтобы адмирал отменил свой приказ № 60. Я посоветовал ему отказаться от своей позиции, весьма огорчающей каждого русского и всех друзей России, я сказал, что осуществленный им обрыв телеграфной связи, который помешал нормальной работе, в том числе и французской военной миссии, вполне мог послужить основанием для приказа № 60. Накануне генерал Болдырев по дороге во Владивосток проезжал через Читу и, как мне сказал начальник главного штаба Семенова, он в качестве главнокомандующего вызвал Семенова на вокзал и имел с ним долгий разговор, детали которого, разумеется, мне неизвестны¹³.

После разговора с Семеновым я поехал к генералу Оба, командующему японской дивизией в Чите. Запись нашего разговора есть в приложении¹⁴. Суть его сводится к следующему: генерал

Оба заявил, что намерен во что бы то ни стало сохранить мир в Забайкалье и помешать войскам, к какой бы партии они не принадлежали, начать враждебные действия¹⁵. Однако я заметил генералу Оба, что подобная позиция грозит затянуть до бесконечности данный конфликт, а затем может возбудить в отдельных районах Сибири волнения, и тогда определенные круги будут винить в этом японцев. Но относительно этого пункта, а также относительно предложения сделать его миротворческую миссию еще более действенной, уговорив Семенова подчиниться приказам центральной власти, я не смог получить от генерала Оба никаких уточнений. Он сказал, что речь идет о том, чтобы успокоить Семенова, а не о том, чтобы его направлять; что даже, если бы они могли на него воздействовать, поскольку всем известно, что они его поддерживают, их намерения и возможности никогда не доходили до желания вмешаться во внутренние дела России. И если японцы поддерживают данные войска, то по причине, какую указал генерал Накасима, а именно: использование местных сил для поддержания порядка позволяет Японии не держать своих солдат в стране, климат которой им совсем не подходит. На мой еще более прямой вопрос генерал Оба в конце концов ответил, что вопрос объединения всех русских сил под единой центральной властью, возможно, и можно будет рассмотреть, но несколько позже. Я понятия не имею, какую дату имеет в виду японский генерал, говоря «несколько позже», думаю, весьма отдаленную.

Но я должен заметить, что атаман не предпринял за это время никаких действий, чтобы развить, расширить и подчинить военной структуре войска, находящиеся под его началом. Он действует обычно с 2000 или 3000 казаков¹⁶, которых глас народа единодушно обвиняет в грабежах и разбое. Что касается войск 5-го корпуса, командующим которого также является Семенов, то они пребывают на стадии мифа¹⁷. Как раз в Верхнеудинске я встречался с командиром двух полков, численный состав которых был равен 500–600 солдат в каждом, и эти солдаты не были ни обмундированы, ни вооружены. Да и те бегут и прячутся по деревням, а офицеры, превратившись в жандармов, охотятся за ними в то время как большевизм распространяется по всему району.

Из своих встреч — с генералом Оба, с ним мы встретились еще раз на следующий день; с атаманом, — а также из разговора по телеграфу, который я имел с полковником [И. Н.] Красильниковым, которого адмирал отправил вести переговоры с атаманом (должен заметить, без всякого успеха) — я вынес следующие впечатления:

1. Японцы, возможно, и не целиком ответственны за ситуацию, порожденную конфликтом, но такое впечатление вполне может возникнуть, если принять во внимание те меры, какие они принимают, чтобы прикрыть атамана, продолжающего оказывать сопротивление адмиралу Колчаку.

2. Положение атамана под прикрытием японцев становится еще прочнее оттого, что войска Колчака не имеют ни малейшего желания с ним воевать. При этом атамана можно было бы склонить к большей уступчивости, если бы адмирал со своей стороны тоже и хотя бы формально проявил уступчивость.

Я изложил эту ситуацию и свои впечатления по прямому проводу господину [Э.] Реньо¹⁸, и он мне ответил, что адмирал теперь еще больше неприимирим к атаману, чем был раньше. Адмирал сме-

нил господина Ренью на прямой связи и в разговоре по телеграфу, текст которого приложен¹⁹, объявил мне, что все надежды прекратить конфликт с помощью тех средств, какие предлагает Семенов, нужно оставить. Он прибавил, что во имя чести России считает своим долгом оставаться непримиримым, хотя сам прекрасно знает, что у него нет возможности заставить выполнить свои решения, и он заранее уверен, что в этой борьбе не он выйдет победителем. Полагаю, что подобные крайние меры диктуют адмиралу ощущение, что японцы вот-вот откровенно вмешаются в русские дела, но при этом мне очень трудно сказать, чем эти крайние меры помогут ему самому, а вместе с ним и России. Но, возможно, союзники решат и помогут Японии понять, какие выгоды ей сулит победа над Германией, а значит, и политика более близкая к политике союзников. Пока совершенно очевидно, что сегодня в 6 часов вечера мирное и быстрое разрешение конфликта предвидеть невозможно.

Затягивание этого конфликта чревато серьезными опасностями для адмирала Колчака. Железнодорожная линия, которая капля за каплей, но поставляет провиант, проходит по территории, действительно находящейся или в руках японцев, или атамана Семенова. Но, когда генерал Оба гарантировал мне надежность железнодорожных поставок, он прибавил с улыбкой, как бы внося поправку в свои слова, что сам он, желая создать в Чите запас провианта для своей дивизии на 30 дней, не смог этого сделать, наоборот, запас только уменьшался. Этот факт и дает возможность судить, что ждет Сибирь по части снабжения продовольствием, особенно в тех районах, которые не подчинены влиянию японцев, если вновь начнутся смутные времена. Считаю нужным, между прочим, заметить, что японцы, оказывая мне уважение, постарались, чтобы поезд с боеприпасами, который я сопровождал, шел, как я и просил, без задержек. Посмотрим, как пойдет дело с последующими поездами.

Данный конфликт может повлечь за собой нежелательные последствия и в плане внутреннего управления. Не может остаться незамеченным тот факт, что адмирал потерпит поражение от одного из своих подчиненных, против которого он занял совершенно непримиримую позицию и которого не сумел привести к повиновению. Тот, кто объявляет ультиматум, должен его выполнить, в противном случае он подрывает к себе доверие. Я также должен сказать, что все, что я слышал относительно Семенова, свидетельствует о справедливости негодования адмирала. Но если он виновен, то не один, вокруг него собралась черная банда, которая обогащается лихоимством²⁰.

Подводя итоги, скажу следующее о ситуации, с которой мы имеем дело.

Атаман Семенов производит впечатление человека энергичного, честолюбивого, уверенного в себе, и вполне возможно, недалекого ума, без воспитания и какой бы то ни было щепетильности. Объявленное им противостояние Колчаку, которое поддерживают японцы, вносит серьезную смуту и становится фактором, задерживающим продвижение дела, которым занимаемся мы, то есть созданию русской армии, поддерживающей солидное правительство, способное принять за восстановление порядка, уничтожить влияние большевиков и построить хоть что-то там, где сейчас нет ничего.

С другой стороны, приходится признать, что адмирал Колчак, которого я считаю человеком глубоко порядочным, патриотом, искренне преданным интересам своей родины, лишен при этом определенных качеств, необходимых для государственного деятеля. Похоже, что политическая деятельность представляется ему в виде отстаивания своей гражданской чести; для частного лица такая позиция похвальна, но она может оказаться пагубной, если речь идет о государственных делах. Он горяч, неспособен искать компромиссов, не желает идти на них, не принимает полумер, не хочет — хотя бы временно — подчиниться обстоятельствам, не видит в этих обстоятельствах тех опасных сторон, которые повлекут за собой трудноодолимые сложности.

Непримиримость приводит его к безоглядной решительности, но он не достигает ею никаких результатов. Даже от своих подчиненных он не может добиться повиновения, которого требует. Та же непримиримость чувствуется порой и в телеграммах, посылаемых господину [С.] Пишону²¹ — я пока еще не получил от него подробностей, — в которых адмирал касается иностранных военных отрядов (польских, румынских и тех же самых чешских). Очевидно, он не понимает в достаточной мере их национальных особенностей, потому что рискует обидеть их и разрушить их надежды.

В силу вышеперечисленных качеств, адмирал, несмотря на содействие, какое он может нам оказать и ради которого нам необходимо его поддерживать, становится для нас опасным подопечным. Он сеет вокруг себя недовольство, которое ослабляет его позицию и может повести к падению. Я считаю, что, сотрудничая с ним, необходимо отдавать себе отчет и помнить об указанных мной особенностях.

Что касается японцев, то их политика, которую они искусно прикрывают другой, напоказ, для нас ясна не до конца. Создать и поддерживать политический раскол в нарождающемся правительстве, использовать волнения, которые сделают их необходимыми, укрепить свое влияние в Восточной Сибири по факту, а не только номинально — это то, что для нас очевидно.

В будущем это может представлять опасность, ее не стоит игнорировать, но не стоит и преувеличивать. Однако в данный момент речь идет о скорейшем разрешении задачи, которая проста по своим данным, но трудна в осуществлении. Задача состоит в следующем: необходимо оказать помощь чехословацкой армии и другим иностранным военным отрядам, необходимо восстановить русскую армию для того, чтобы покончить с большевиками. Но это невозможно осуществить, если фронт не получит поддержки как солдатами, так и материальным обеспечением, иными словами, если не будет обеспечено надежное и бесперебойное движение по Транссибирской железной дороге.

В настоящее время за него отвечают японцы, и это факт.

Если они уйдут, оставив железную дорогу без охраны, следует ждать ухудшения жизни, как в тылу, так и на фронте, а также оживления большевистского движения в Забайкалье. Такова логика событий, и она признается всеми местными русскими властями, с которыми я говорил. Признают это также и видные деятели Владивостока.

Не нужно забывать и о том резонансе, какой вызовет уход японцев у чехов. Они и так упрека-

ют как японцев, так и американцев в бездеятельности. И если союзники удалят первыми из Сибири японцев, то чехи сочтут, что они вправе применять те же методы в районе, где они находятся. Значит, главное в настоящий момент решить — остаются ли японцы по-прежнему на своих позициях, или они уходят и их заменяют другие. Но кто???

Можно представить себе в этой роли американцев, но я считаю, что это решение предполагает немалую опасность для осуществления наших проектов. Я вам уже не раз сообщал, что политика кабинета в Вашингтоне, по крайней мере, в последнее время ставит своей целью удаление с Урала или вообще из Сибири чехословацкой армии. Удаление этой армии в настоящий момент будет означать триумф большевиков, и вовсе не на словах, а на деле.

У американцев есть, с одной стороны, амбиции, а с другой — иллюзии, внушенные теориями (во всяком случае, у тех, что находятся на Дальнем Востоке²²), и они не одобряют нашу здешнюю политику, о чем мы должны помнить.

Мы должны заранее представлять себе взгляды американцев, чтобы не увидеть в реальной жизни, как американские солдаты стоят и смотрят, скрестив на груди руки, на большевиков, ссылаясь на свои теоретические мнения и на свое нежелание «наказывать Россию».

Генерал Жанен

Примечания

¹ События, о которых пишет автор, происходили в ночь с 18 на 19 ноября 1918 г.; тогда же Колчак был произведен в полные адмиралы.

² Были арестованы члены Директории эсеры Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов и В. М. Зензинов, а также товарищ министра внутренних дел Е. Ф. Роговский; получив компенсацию из казны, они были высланы в Китай.

³ 28 ноября генерал-лейтенант В. Г. Болдырев уехал из Омска во Владивосток, проследовав затем в Японию.

⁴ Сам Болдырев писал в мемуарах о встрече 1 декабря 1918 г. в Иркутске во время недолгой остановки лишь с генерал-майором Н. П. Никитиным [6, с. 121], не упоминая о встрече с французским консулом в Иркутске Анри Полем Бурже. Вероятно, Жанен привел один из многочисленных слухов.

⁵ Сообщая о беспорядках на фронте, Жанен подразумевает части Чешско-Словацкого корпуса, негативно воспринявшие как произошедший 18 ноября переворот, так и необходимость своего дальнейшего нахождения на фронте. Решение вопросов, связанных с пребыванием чешско-словацких частей в России, стало для Жанена одной из главных проблем сразу по прибытию на Дальний Восток.

⁶ К 19 октября 1918 г. количество чешско-словацких частей на фронте составляло 20 199 штыков и сабель (около 27 % от боевого состава всех антибольшевистских вооруженных сил, действовавших на территории Поволжья, Урала и Сибири). Численное преобладание чешские части имели лишь на Самарском направлении, где их доля доходила до 72 % от боевого состава. Суммарно, доля чешско-словацких частей порядка трети, а их действия, согласно выводам новосибирского историка Д. Г. Симонова, имели «второстепенный характер по сравнению с русскими белогвардейскими формированиями» [7, с. 147–148]. К 1 октября 1918 г. боевой состав Сибирской армии достиг 184 597 человек, в их числе — 10 754 офицеров, 59 911 вооруженных и 113 932 невооруженных солдат [8, л. 1–2].

⁷ Взаимоотношения Колчака с японцами не сложились еще весной 1918 г. Получив назначение на КВЖД, он отказы-

вался обсуждать возможные предпочтения Японии за предоставляемую помощь.

⁸ Жанен был убежден в участии Великобритании и лично главы британской военной миссии в Сибири А. Нокса в состоявшемся 18 ноября 1918 г. перевороте в Омске.

⁹ Глава японской военной миссии на Дальнем Востоке генерал-майор М. Накасима.

¹⁰ 19 ноября 1918 г. Верховный уполномоченный на Дальнем Востоке генерал-лейтенант Д. Л. Хорват в обращении к населению Дальнего Востока о событиях в Омске признал власть Верховного правителя А. В. Колчака.

¹¹ В это время во Владивостоке в определенных кругах ходили слухи, что атаман заключил договор с японцами относительно границ, восточнее которых он не совершает никаких военных действий, и за это японцы предоставили ему полную свободу в продвижении на запад вплоть до Омска. — *Примечание автора документа.*

¹² В 1918–1919 гг. — командующий японским экспедиционным корпусом на российском Дальнем Востоке.

¹³ Генерал-лейтенант В. Г. Болдырев в дневнике лаконично описывает состоявшуюся 4 декабря 1918 г. в Чите встречу с атаманом Г. М. Семеновым: «Доложили, что просит принять полковник Семенов. [...] В отношении меня, как высшего военного начальника в Сибири, он всегда был вполне лоялен. И сейчас исключительной корректностью он как бы подчеркивал свое неодобрение совершившемуся в Омске и свою резкую оппозицию Колчаку. Я был чрезвычайно сдержан в области политических суждений, которых, видимо, хотел коснуться Семенов. Он выразил глубокое сожаление по поводу моего ухода и надежду на скорое возвращение к активной работе. Я поблагодарил. Семенов вышел. В нем много такта...» [6, с. 121–122].

¹⁴ Не публикуется.

¹⁵ Доехав до Иркутска, я получил сведения, что японцы не были столь беспристрастны в своих подлинных намерениях. Они объявили, что, будучи ответственными за соблюдение порядка на Транссибирской железной дороге, они не могут отвечать за территории западнее Иркутска, что в этом районе они предоставляют Семенову полную свободу мериться силами с войсками Колчака. Но я не считал необходимым верить этим сведениям, поскольку японцы не позволили бронепоездам Семенова отправиться из Верхнеудинска на запад. — *Примечание автора документа.*

¹⁶ Согласно «Боевому составу Сибирской армии по состоянию на 2 октября 1918 года» Особый Маньчжурский отряд насчитывал в своих рядах 1231 штык и 154 сабли, при 4 орудиях и 4 пулеметах [9, с. 99].

¹⁷ Семенов был назначен командиром 5-го Приамурского отдельного корпуса и начальником Приамурского военного округа приказами командующего Сибирской армии генерал-майора П. П. Иванова-Ринова от 6 и 10 сентября 1918 г. Сам Семенов, отдал приказ № 1 по войскам 5-го Приамурского корпуса только 8 октября 1918 г., подтвердив свое вступление в командование. Осенью 1918 г. началось формирование частей корпуса, но реальной силой под руководством атамана к концу года оставался Особый Маньчжурский отряд и формировавшаяся Забайкальская казачья дивизия [10, с. 168–169, 171].

¹⁸ Верховный комиссар Франции в Сибири.

¹⁹ Не публикуется.

²⁰ Подруга Семенова, по слухам, только что положила 500 000 рублей в один из банков. Говорят также, что его окружение обложило товары выкупом и он доходит до 100 %. — *Примечание автора документа.*

²¹ Министр иностранных дел Франции в ноябре 1917 — январе 1920 гг.

²² Вероятно, речь идет об американском бригадном генерале У. Грейвсе, командующем Американскими экспедиционными силами в Сибири, прибывшим во Владивосток 4 сентября 1918 г.

Библиографический список

1. Janin M. Ma mission en Sibirie. 1918–1920. Paris: Payot, 1933. 307 p.
2. Service historique de la Defense Chateau de Vincennes (SHD). 16 N. Carton 3810. Dossier 4. № 184–188. 26 novembre. 1918.
3. SHD. 16 N. Carton 3810. Dossier 4. № 209–210. 29 novembre. 1918.
4. SHD. 16 N. Carton 3810. Dossier 4. 13 décembre. 1918.
5. SHD. 16 N. Carton 3810. Dossier 4. № 209–210. 15 décembre. 1918.
6. Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (из цикла «Шесть лет». 1917–1922 гг.) / под ред. В. Д. Вегмана. Новоиколаевск: Сибкрайиздат, 1925.
7. Симонов Д. Г. Чехословацкий корпус на востоке России в 1918–1920 гг. // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 145–148.
8. Российский государственный военный архив. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 72.
9. Каревский А. А. К истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства: 5-й Приамурский корпус осенью 1918 г. // История Белой Сибири: тезисы 4-й научн. конф. (6–7 февраля 2001 г., Кемерово) / отв. ред. С. П. Звягин. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. С. 97–100.

10. Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск: Оттиск, 2013. 324 с.

ГАГКУЕВ Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва.
SPIN-код: 3803-4060
AuthorID (РИНЦ): 293012
ORCID: 0000-0002-1413-6684
AuthorID (SCOPUS): 57189051187
ResearcherID: AAC-7834-2022
Адрес для переписки: gagkuev@yandex.ru

Для цитирования

Гагкуев Р. Г. «Адмирал становится для нас опасным подопечным». Оценка французским генералом М. Жаненом ситуации на белом Восточном фронте в декабре 1918 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022, Т. 7, № 2. С. 10–17. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-10-17.

Статья поступила в редакцию 26.01.2022 г.
© Р. Г. Гагкуев

«THE ADMIRAL IS BECOMING A DANGEROUS WARD FOR US» FRENCH GENERAL M. JANEN'S ASSESSMENT OF SITUATION ON THE WHITE EASTERN FRONT IN DECEMBER 1918

The publication tells about the beginning of the activities in Siberia of the French General M. Janin, who arrived in the Far East in November 1918 as a representative of the Entente command and the future commander-in-chief of all the troops of the anti-Bolshevik Eastern Front. The situation in which the head of the French military mission in Siberia found himself in November-December 1918, his vision of the conflict between the Supreme Ruler Admiral A. V. Kolchak and Ataman G. M. Semenov, the role of the Czechoslovak Corps in the events of 1918, positions Japanese Expeditionary Force. The most important part of the work is Janin's first published report to the French Minister of War. It describes in detail the conflict between A. V. Kolchak and G. M. Semenov, gives an assessment of Kolchak himself. The publication is addressed to researchers of the military-political sphere and international relations during the Civil War in Russia.

Keywords: Russian Civil War (1917–1922), White Movement, intervention, the Entente, General M. Janin, Admiral A. V. Kolchak, Ataman G. M. Semenov.

References

1. Janin M. Ma mission en Sibirie [My mission in Siberia]. 1918–1920. Paris: Payot Publ, 1933. 307 p. (In French).
2. Service historique de la Defense Chateau de Vincennes (SHD). 16 N. Carton 3810. Dossier 4. № 184–188. 26 novembre. 1918 [Defense Historical Service Chateau de Vincennes (SHD). 16 N. Box 3810. File 4. No. 184–188. November 26, 1918]. (In French).
3. SHD. 16 N. Carton 3810. Dossier 4. № 209–210. 29 novembre. 1918 [SHD. 16 N. Box 3810. File 4. No. 209–210. November 29, 1918]. (In French).
4. SHD. 16 N. Carton 3810. Dossier 4. 13 décembre 1918 [SHD. 16 N. Box 3810. File 4. December 13, 1918]. (In French).
5. SHD. 16 N. Carton 3810. Dossier 4. № 209–210. 15 décembre. 1918 [SHD. 16 N. Box 3810. File 4. No. 209–210. December 15]. (In French).
6. Boldyrev V. G. Direktoriya. Kolchak. Interventy. Vospominaniya (iz tsikla «shest' let». 1917–1922 gg.) [Directorate. Kolchak. Interventionists. Recollections (from the series «Six years». 1917–1922)] / Ed. V. D. Vegman. Novonikolaevsk, 1925. (In Russ.).
7. Simonov D. G. Chekhoslovackij korpus na vostoce Rossii v 1918–1920 gg. [The Czechoslovak Corps in eastern Russia in 1918–1920] // Regional'nye processy v Sibiri v kontekste rossijskoj i mirovoj istorii [Regional Processes in Siberia in the Context of Russian and World History]. Novosibirsk, 1998. P. 145–148. (In Russ.).
8. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archive]. File: 40308/1/72. (In Russ.).

9. Karevskiy A. A. K istorii voozruzhennyh sil Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva: 5-j Priamurskij korpus osen'yu 1918 g. [Towards a History of the Armed Forces of the Provisional Siberian Government: the 5th Priamursky Corps, autumn 1918] // Istoriya Beloj Sibiri [The History of White Siberia] / Chief. Ed. S. P. Zvyagin. Kemerovo, 2001. P. 97–100. (In Russ.).
10. Romanov A. M. Osobyj Man'chzhurskij otryad atamana Semanova [Ataman Semenov's Special Manchurian detachment]. Irkutsk, 2013. 324 p. (In Russ.).

GAGKUEV Ruslan Grigorievich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow.
SPIN-code: 3803-4060
AuthorID (RSCI): 293012
ORCID: 0000-0002-1413-6684
AuthorID (SCOPUS): 57189051187
ResearcherID: AAC-7834-2022
Correspondence address: gagkuev@yandex.ru

For citations

Gagkuev R. G. «The Admiral is becoming a dangerous ward for us» French General M. Janen's assessment of situation on the White Eastern Front in December 1918 // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2022. Vol. 7, no. 2. P. 10–17. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-10-17.

Received January 26, 2022.
© R. G. Gagkuev